

Татьяна
Гармаш-Рюффе

ЗНАМЕНИЕ БЫЛОГО
(О ЛЬСКОВЪ)

Есть пророческія откровенія, которыя раскрываются въ опытѣ, въ искусствѣ, въ искушительныхъ или вѣщихъ страстяхъ личности; но есть возвѣстія, которыя изрекаются избранными безъ личнаго подвига, безъ дѣйствительнаго превозможенія: просто было дано свыше увидѣть, понять и открыть новыя тайны міра. У такихъ провидцевъ нѣтъ воли для свершеній, но есть острое зрѣніе и тайный слухъ, которыми они провидятъ и прослушиваютъ толщу. — Таковымъ является Лѣсковъ.

Глубины бытія и сущность вещей ревнивы: нужно быть простымъ и очень любить, для того чтобы святыя нѣдра черной земли и драгоценныя тайны сердца раскрылись и дались. Отъ исполненія духомъ гордыни, обличенія и тревожнаго безвѣрія гаснутъ глаза, глухнеть слухъ и сокровенныя видѣнія и музыка сердца становятся недоступными. Сдвигается скрывающая оболочка — и кора земли и сердца становится черствой, жесткой, непроницаемой для чужихъ взглядовъ и чужого слуха.

Много смотрящихъ на жизнь, наблюдающихъ, но мало вникающихъ. Немногіе увидѣли и поняли въ жизни то, что раскрылъ, можетъ быть, самый

мудрый русскій писатель — Лѣсковъ. Лѣсковъ — не бытописатель вродѣ Островскаго, Щедрина, Писемскаго, Печерскаго. Его чувство быта не схватываніе внѣшнихъ формъ жизни, а подлинное касаніе самаго бытія, самаго сердца жизни, бытовой воли, того неисчерпаемаго волевого процесса жизни, который дѣется, бьется и творится во всѣхъ и во всемъ, непрестанно и невидимо.

Быть у Лѣскова — всегда въ проявленіи воли, въ событіи, въ подвигѣ. Проживъ свои дни простымъ смертнымъ, безъ крупнаго личнаго подвига жизни, безъ пышной біографіи, — Лѣсковъ, какъ очарованный сподобился всю жизнь стоять передъ чудомъ человѣческаго подвига и подвижничества, и до конца понялъ и схватилъ эту героическую стіхію. Не даромъ Лѣсковъ такъ любилъ древній Прологъ и «прилоди», эти яркія, лаконическія, реалистическія повѣсти «о легендарныхъ характерахъ», объ искусствахъ и побѣдахъ человѣческой воли, такъ близко сочетающіе въ прихотливо-чудесныхъ случаяхъ жизни — Божеское и человѣческое.

Творческій міръ Лѣскова — это нѣчто среднее между Прологомъ и былинной. Жизнь каждаго, даже самаго незамѣтнаго, была для Лѣскова сосредоточенное и значительное житіе, причемъ это не было вдохновеннымъ подходомъ къ дѣйствительности и знутри, а рѣдчайшимъ даромъ ухватыванія, усматриванія истиннаго подвига и славы — въ тайникахъ и поросляхъ жизни.

И какъ показательно: когда Лѣсковъ прикидывается и, увлеченный духомъ времени, пишетъ

романы, т. е. начинает инсценировать, выдумывать искусственно-тенденциозныя построения, не прозрѣваетъ жизнь, а создаетъ ее самъ — онъ становится скучнымъ, резонерствующимъ, болѣзненно-натянутымъ. Конечно, отдѣльные эпизоды, характеристики, положенія — отдѣльныя, такъ сказать, правды — въ его романахъ замѣчательны, но тѣмъ не менѣе «Некуда», «На ножахъ», «Обойденные» — какъ искусственныя построения читаются съ досадою и трудомъ. Точно великій человекъ, не удержавшійся отъ соблазна, прельстился на пустой знакъ славы міра сего; вѣдь быть большимъ писателемъ во времена Лѣскова — означало быть романистомъ! Кромѣ того, романы Лѣскова — это своего рода многословная и неуклюжая литературная пѣлемика съ современной ему идеологіей. Противопоставить свое вдохновенное героическое міровоззрѣніе, свою пѣтику жизни разсудительно-ограниченной и вылинявшей риторикѣ 80-хъ годовъ — Лѣсковъ, повидимому, считалъ недостаточнымъ. И это понятно, потому что лѣсковскому Прологу, какъ проповѣди о реально-чудесномъ — не внималъ въ ту «глухую пору» никто.

Всѣ пребывали съ заткнутыми ушами, съ бѣльмами вмѣсто глазъ, оторванные отъ земли, но не вознесенные въ небо, подобно пыли...

Однимъ изъ мудрѣйшихъ законовъ религіи является — поклоненіе мощамъ. Поклоняться Богу заповѣдано не только въ небѣ, но и на землѣ, въ нетѣльномъ тѣлѣ человеческомъ. Мощи — это тѣло, останки жизни людей ушедшихъ, отказав-

шихся отъ жизни и отъ тѣла. Отъ чего они, избранные, ушли — тому остальные, обыкновенные, поклоняются. Какъ бы замкнутый кругъ. Въ образѣ смертномъ, человеческомъ — знаменіе безсмертія и славы. Сожженная огнемъ Духа плоть — является исцѣленіе плоти немощной и хилой. Благодать дается сквозь все, даже сквозь почившую плоть...

Истинная мистика, духовная крѣпость, не въ безплотныхъ тѣняхъ, призракахъ, а въ реальномъ веществѣ, въ воплощеніи жизни. Это забывается въ эпохи упадка, въ эпохи безликой лжеодухотворенности, безформеннаго спиритуализма, и всегда ярко и мощно утверждаетъ въ стихіи народнаго религіознаго творчества и въ эпохи вѣры. Тайственное, небесное и особенное сочетается съ самымъ простымъ и обыкновеннымъ. Жизнь расцвѣчивается въ самой себѣ яркими образами, удивительными событіями, преданіями и былинами. Чудо — въ быту, въ образахъ дѣйствительности. Сказка — это произведеніе искусства, ее нужно сказывать, исполнять. Былина — это уже міровоззрѣніе, героическое пріятіе міра, чудесное утвержденіе сверхъ-личности.

Человѣку свойственно искать чудесное. Каждый по своимъ силамъ создаетъ вокругъ себя свой міръ, свой небольшой кругъ преданій, «небывалыхъ слушаевъ», героическихъ поступковъ... Этотъ подвижной, вѣчно-переливающийся житейскій романтизмъ является вѣрнымъ мѣрителемъ жизненнаго пульса. Въ періоды возбужденій, рѣзкихъ смѣнъ, значительныхъ событій — бѣненіе его учащается; когда

затишье — его напряженъе спадаеть. Вмѣстѣ съ потерей чувства здороваго реализма жизни эта непрестанная, безсознательная творческая импровизация — изсякаетъ и утрачивается. Въ такомъ состояніи притупленія къ жизни, преимущественно, всегда находятся верхнія, культурныя отслоенія, но особенно сильно и болѣзненно, вслѣдствіе сложныхъ процессовъ и причинъ, оказалась окостенѣвшей и обездушенной — русская интеллигенція послѣдняго вѣка и времени. Жалкими и даже грѣховными звучатъ еще недавнія жалобы объ измельчаніи рода человѣческаго, о пошлости среды... Живое, преемственное вдохновеніе жизни было преступно изжито; остались пустота и скука...

Однако есть какое-то глубокое дно, тихій уровень, гдѣ хранятся золотые завѣты простого, живого и крѣпкаго пониманія людей и жизни. Этотъ уровень расположенъ подѣ разметаннымъ и расплывшимся слоемъ интеллигенціи. Это не народъ, но поросль, которая питается отъ самой черной и тучной земли народной. Это промежуточный слой между верхами и низами. Но все что возрощено этой полосой — подлинно народно, ибо народомъ принимается и несетя, какъ дивныя сказанія и былины, какъ свое. Вотъ именно этотъ пластъ творческаго жизнеспріятія и жизнеспіятія — обнажилъ Лѣсковъ.

Въ людяхъ этой породы течетъ не оскудѣвшая горячая сукровица интеллигенціи — а медленная, густая, красно-лиловая кровь нетронутыхъ,

длинныхъ поколѣній. Кто они — сонмъ различныхъ «легендарныхъ характеровъ», историческихъ и неисторическихъ, неизвѣстныхъ подвижниковъ, чудесныхъ героевъ: попь Туберововъ, Ахилла, Нечестертельный Голованъ, Однодумъ, Пигмей, Антонъ-астрономъ, Павлинъ, Лѣвша, анахоретъ Памва, дѣдъ Марой, безстрашный Лука, печерскій Кесарь, всепомогающій докторъ Николавра, старецъ Малафей и отрокъ Гезій, попь Юхвимъ, митрополитъ Филаретъ, отецъ Алексѣй и безъ конца другіе, которыхъ Лѣсковъ иногда называетъ, какъ бы оправдывая, съ теплой ироніей, «антиками». На самомъ же дѣлѣ это герои и молва и преданія о нихъ — истинный, героическій народный эпосъ. Герои Лѣскова не самодуры Болконскіе, не чудаки Астровы, а фанатики, изуверы даже, потому что каждое сказаніе о нихъ — это сказаніе объ ихъ удивительныхъ дѣлахъ и поступкахъ, это всегда волевоое, дѣйственное проявленіе ихъ личности.

У Лѣскова почти нѣтъ романическихъ повѣствованій. И это понятно: всякій романъ, пересказъ о романическомъ происшествіи — всегда заключаетъ въ себѣ нѣчто эгоистическое, замыкающее весь интересъ въ опредѣленномъ кругу частныхъ переживаній. Большинство или по крайней мѣрѣ лучшіе рассказы Лѣскова, всегда гласятъ объ устремленіи воли отдѣльныхъ героевъ либо на служеніе другимъ, либо на утвержденіе и неизбежное исповѣданіе своей истины и вѣры и особенная сила этихъ рассказовъ заключается еще въ томъ, что это повѣсти о дѣйствительно бывшихъ

людяхъ. Извѣстно, что такъ именно было, что все это не выдуманно.

Кто сомнѣвается въ волѣ къ милосердію и дѣянію русской стихіи, — пусть вникнетъ въ героическій эпосъ Лѣскова.

Въ творчествѣ Лѣскова нѣтъ смысла придирчиваго и болѣзненно-предвзятаго изображенія дѣйствительности Щедрина, нѣтъ описательной риторики и бутафорскаго героизма Тургенева — въ немъ открывается глубокая русская воля къ подвигу, къ простому тайному служенію, воля къ созиданію яркой и дѣйственной формы жизни — все то, что было забыто и зарушено пылью и соромъ чужихъ надстроекъ по верхнему слою глубокой русской земли.

И воля эта — ясная и крѣпкая; она не въ мечтѣ, а въ яви; для нея цѣль всегда близка и отчетлива. Въ томъ мірѣ, который раскрывается Лѣсковымъ, небо всегда пребываетъ на землѣ; земля — всегда въ значительности, въ раскрытіи Божьей вѣси. И какой вѣрой овѣяны слова Лѣскова, что «у насъ не переводились, да и не переведутся праведные. Ихъ только не замѣчаютъ, а если стать присматриваться — они есть»; что «видѣть одно дурное — это болѣзнь зрѣнія», что нужно «не погублять доброту ума», что если просто записывать все извѣстное о «кое-какихъ хорошихъ людяхъ», то много найдется такого, что «свято Господу». «Если безъ трехъ праведныхъ, по народному вѣрованію, нѣсть граду стоянія, то какъ же устоять цѣлой землѣ?...»

Творчество Лѣскова — народно и религиозно. Его народность — въ напряженной дѣйственности, событійности его повѣствованій; кромѣ того Лѣсковъ народенъ по своему изложенію, по чисто народному подходу и пониманію слова.

По большей части Лѣсковъ любитъ вести разсказъ отъ перваго лица, что даетъ возможность сообщать тому или другому событію — индивидуальную окраску изложенія. Для него слово — не застывшее понятіе, условно установленное, а живая звуко-смысловая форма выраженія, эластично подчиняющаяся своему содержанію, объекту опредѣленія. Словотворчество Лѣскова — неисчерпаемо и не поддается уточненію, ибо измѣчивость его стиля цѣликомъ зависитъ въ каждомъ данномъ случаѣ отъ всей литературно-выразительной концепціи. Несомнѣнно, весь его «жаргонъ» — неподлинный, т. е. всѣ модификаціи и приспособленія словъ Лѣскова — плодъ гениальнаго стилистическаго вдохновенія; но они подлинны и народны по методу, по вѣрности основнаго ощущенія и подхода, ихъ породившихъ. Въ народно-лѣсковской стилистикѣ, слова лѣнятся и мягки какъ воскъ, послушно принимая отпечатки давящей формы. Что бы такъ творить, что бы получить полную свободу въ выборѣ словъ и подчиненіи ихъ внутреннему существу смысла, чтобы такъ гениально дифформировать слова, для полученія новыхъ, болѣе выпуклыхъ формъ выраженія — нужно находиться въ самой стихіи народнаго свѣтозрѣнія, въ стихіи народной, гениально-безсознательной импровизаціи слова. И никакія поддѣлки подъ на-

родный акцент писателей-народниковъ, или же ученыя и мертвыя стилистическія построения современныхъ архаизирующихъ эстетовъ, даже близко не могутъ быть поставлены въ смыслъ убѣдительности и правды, съ гениальнымъ словаремъ Лѣскова. Только теперь, въ тяжеловѣсныхъ оборотахъ и пестроподвижныхъ словообразованіяхъ Ремизова—Маяковского—литературный стиль вновь обрѣтаетъ свои народные и живые законы сложенія.

Творчество Лѣскова религиозно, ибо оно до конца преисполнено реально-чудеснымъ, ибо мораль не въ назидательно-разсудочной абстракціи, не въ тенденціозной проповѣди, — а въ дѣйствиіи, въ опытѣ и въ подвигѣ жизни, за которыми нѣтъ мѣста разсужденію и сомнѣнію. Это бесконечно разная, но неизмѣнно строгая и стройная форма жизни.

Строй жизнявленія Лѣскова напоминаетъ искусство древней иконы: внутреннее горѣніе схвачено, вобрано въ чеканныя грани формы... Пустотъ не можетъ быть, ибо косность матеріала и пространство до конца преодолены; все заполнено ритмическимъ біеніемъ одухотвореннаго вещества; очертанія плоти еле сдерживаютъ внутреннее напряженіе духа; Духъ — разрѣзаетъ, дѣлаетъ теплой оболочку плоти. Разобщить Духъ и Плоть — невозможно. — Они — одно!

Теперь, когда наконецъ заговорили о «фактурѣ» прозаическаго изложенія, когда поняли, что въ каждомъ изложеніи — имѣется свой ритмиче-

скій строй, что проза, подобно — поэзи — имѣетъ свои законы звуко-ритмическаго сложенія — Лѣскова, какъ стилиста и излагателя, конечно признаютъ и оцѣняютъ. Но не объ этой поздней историко-литературной дани идетъ рѣчь. — Лѣсковъ до сихъ поръ не понять, какъ гений, какъ пророческое знаменіе «глухой поры». Его чувство жизни — неосознано, какъ та конкретная форма русской духовной стихіи, которая всегда жила, тайно и незримо, подъ внѣшнимъ слоемъ разсудочной суетливости и интеллигентской абстрактности.

Прийти къ Лѣскову — это значитъ раскрыть жизнь въ ея героическомъ пафосѣ, увидеть въ каждомъ ея событіи и образѣ — живое, реальное откровеніе; это значитъ утвердить жизнь, какъ событийное, лично-волевое начало; наконецъ — это значитъ начать вѣрить въ жизнь и перестать толковать о ней.

Опереться о Лѣскова нельзя безъ того, чтобы частично не оттолкнуться отъ Толстого. Именно Толстому и никому другому долженъ быть противопоставленъ Лѣсковъ, ибо творческія основы и того и другого — въ одномъ и томъ же — въ жизни.

Если своимъ гротескомъ, доходящимъ порою до жуткой фантастики, даромъ подглядѣть въ жизни иной разъ — ея нечеловѣческіе, дифформированные образы, а также своимъ психологически насыщеннымъ стилемъ — Лѣсковъ, одной стороной своего творчества, приближается къ призрачному міру Достоевскаго, то въ существѣ своихъ творческихъ процессовъ, въ своемъ духовномъ тай-

никъ — онъ, безусловно отъ Достоевскаго въ корнѣ разнится. Достоевскій — внѣ жизни; онъ цѣлкомъ въ призрачной реальности своего міра, въ своей пророческой дѣйствительности, тогда какъ Лѣсковъ обусловленъ самой конкретной, дѣйствительной сутью жизни и въ этомъ отношеніи у него съ Толстымъ — одинаковый творческій устой. Но, для Толстого жизнь являлась единымъ необъятнымъ русломъ, по которому слѣпо и бурно устремлялись жизненные процессы-воды, смывая въ своемъ движеніи — все лично-человѣческое, обезцвѣчивая въ одномъ мутномъ теченіи — всѣ приточныя струи, тогда какъ, для Лѣскова жизнь вскрывалась, какъ множество мелкихъ, но кристальныхъ родниковъ въ темной гущѣ лѣса. Толстой захлебнулся своимъ стихійнымъ потокомъ и потопилъ съ собою множество, хотѣвшихъ напиться его живой воды.

Лѣсковъ своими тонкими родниками — еще многихъ бережно напоить, кто забредетъ къ нему и нападетъ на его свѣтлые ручьи...

Творческій организмъ Толстого, какъ сложное и огромное цѣлое — будетъ всегда поражать широтой и мощью своего жизненнаго охвата, но врядъ ли ближайшая эпоха будетъ чувствовать Толстого, какъ своего генія. Толстой навсегда вошелъ въ человѣчество, но, по всей вѣроятности, надолго вышелъ изъ апостоловъ и водителей опредѣленныхъ поколѣній и эпохи. Уже теперь, для нашихъ дней — Толстой угасшій геній, но тотъ соблазнъ, которымъ была схвачена его творческая стихія — всегда будетъ живъ, ибо онъ исконный,

отъ грѣхопаденія заданный человѣчеству для преодоленія и побѣды. И можетъ быть эпоха новой Россіи — и будетъ реакціей противъ Толстого, противъ страшнаго соблазна принимать жизнь въ механической причинности, въ слѣпой послѣдовательности ея процессовъ, а не въ творческомъ подвигѣ личности; противъ того, чтобы принимать жизнь въ разлагающемъ аспектѣ отвлеченнаго разума и разсудочнаго натурализма, а не въ слитной формѣ религіознаго реализма, религіознаго вдохновенія, пути постиганія котораго «лежать внѣ и надъ плоскостью стихійныхъ силъ».

Религіозное сознаніе Толстого, утвердившееся, какъ толкованіе, какъ разъединяющія личныя настроенія и разсужденія о морали и любви — стоитъ, какъ исконное противоположеніе, передъ вѣрой героевъ Лѣскова. И не случайно Лѣсковъ подошелъ къ «житіямъ» и апокривамъ. Не важно, что у него все-таки не хватило творческихъ силъ и техники, чтобы переработать этотъ вдохновенный матеріалъ, но онъ, все-таки первый, который дерзнулъ хотя бы коснуться его и показать всю неисчерпаемость этихъ драгоценныхъ нѣдръ народно-религіознаго творчества.

Также противостоятъ по формѣ и длинные романы Толстого, которые выражаютъ его процессуальное міровоззрѣніе — короткимъ рассказамъ Лѣскова, въ которыхъ жизнь раскрывается неизмѣнно въ фактахъ волевыхъ совершеній, въ утвержденіяхъ героической личности.

Придетъ время, даже настаетъ оно, когда Лѣсковъ встанетъ новымъ сіяніемъ въ русской ду-

ховной культурѣ. Если интеллигентская среда имѣла все-таки достаточно силъ, чтобы въ темную пору конца прошлаго вѣка создать такое творческое явленіе, какъ Лѣсковъ, то неужели теперь, когда колесо эпохи тяжелымъ взмахомъ свалило прошлое и вознесло новое, когда прояснились взоры людей и мутныя дали, — вдохновенное чувство жизни, которое онъ такъ понималъ въ русскомъ духовномъ сознаніи, не предстанетъ во всей своей силѣ и реальной простотѣ? Неужели тѣ глубинные пласты Россіи, которые должны будутъ обнажиться послѣ того, какъ вѣтеръ революціи сдуетъ и разметаетъ всю ея наносную пыль — не окажутся урожайными и не взростать ту — конкретно-духовную культуру, которая станетъ вѣрой для всѣхъ?

Въ праведность Россіи вѣрилъ Лѣсковъ, должны вѣрить и тѣ, кто понималъ его.

Лѣсковъ изъ былого, поверхъ провала современности, знаменуетъ въ будущее о томъ, что единственно можетъ на крыльяхъ своихъ удержаться надъ бездной — о подвигѣ; и помнить Лѣскова — значитъ не соблазниться въ наши дни о правдѣ и подвигѣ Россіи.

Софія-Берлинъ 1921—22.

П. Сувчинскій

ТИПЫ ТВОРЧЕСТВА (ПАМЯТИ А. БЛОКА)

Есть творческія становленія, опредѣляемыя исключительно творческаго процесса, творчествомъ, какъ самодовлѣющей функціей чело-вѣческаго духа. Есть же другія, которыя обуславливаются въ большей или меньшей мѣрѣ, иногда даже цѣликомъ, — опытомъ жизни, всѣмъ конкретнымъ множествомъ подлинныхъ жизненныхъ переживаній. Для перваго творческаго типа — жизнь протекаетъ, въ цѣломъ, неподчиненно собственно творческимъ процессамъ и не обуславливаетъ своими чередованіями творческія средоточія вдохновенія. Во второмъ случаѣ творчество лишь зависимо повторяетъ, отображаетъ въ непрестанныхъ смѣнахъ вдохновенія — всѣ чередованія эмоцій, всѣ событія жизненнаго теченія и бытія. Въ одномъ случаѣ творческая воля вытѣсняетъ волю интенсивно-опытной жизни; въ другомъ воля жизни и воля творчества равнозначущи въ своихъ силахъ, но воля жизни опредѣляетъ волю творчества.

Такимъ образомъ — пониманіе творческаго феномена можетъ лежать, либо въ планѣ жизни, либо